

Ю.М. Плюснин

Теоретико-методологический статус современной социальной биологии

Современная социальная биология - один из тех любопытных феноменов науки, которые не имеют дисциплинарного статуса, и при этом их теоретические и методологические позиции весьма неотчетливы. У нас нет оснований говорить ни о социобиологической методологии и методе, ни вообще о теоретической социальной биологии [1]. Что же собой представляет в настоящий момент эта наука?

Своеобразие социальной биологии заключено в ее исторических корнях. Во многом биология она — только по названию, поскольку процесс формирования, складывания социальной биологии как науки происходил не в лоне собственно биологии, но в лоне социологии. Это — плод экспансии эволюционной социологии, дитя, появившееся при соединении зрелой биологии XIX века с юной социологией. Это дитя никогда, вплоть до последнего времени, не порывало связей ни с той ни с другой родительницами, оно никогда не было вполне самостоятельным.

Социальная биология - это место, где встречаются генетики и социологи, экологи и психологи, этологи и этнографы. Это что-то вроде клуба, в котором из-за большого числа разнородной публики все еще не выработаны строгие правила этикета и всякий неофит предлагает свои.

Следовательно, моей задачей является попытка хотя бы немного разобраться в теоретических позициях и методологических подходах, реализуемых в социальной биологии.

Наука наша имеет в основании три части, “трех китов”. Но это не те “киты”, что придают солидную незыблемость. Напротив, это “киты”, плывущие в разные стороны. Три части, из которых строится социальная биология, разнородны по своей природе и предполагают поэтому разные концептуальные основания, и, следовательно, разные теоретические позиции, разную методологию. Важно также то, что разнородность частей усугубляется разным их значением для проблематики, теории и методологии социальной биологии. Более того, как показывает анализ, современная социобиология, строя свою теорию по образцу классической

эволюционной теории (т.е. заимствуя трехчастную схему: постулируемое положение (эволюция) - ведущий фактор, являющийся теоретическим стержнем (борьба за существование) - механизм, обеспечивающий описываемый процесс (естественный отбор); см.: [2]), привлекает в качестве “строительного материала” каждой части разные по природе составляющие.

“Три кита”, три компонента, образующие тело социальной биологии — биологический, психологический и социологический. Определяющим среди них является биологический компонент — но только вследствие естественнонаучной ориентации, заданной социальной биологии уже в наше время, но не вследствие действительной значимости его относительно двух других компонентов. Хотя менталитет социобиологического сообщества и сформирован на причислении себя к кругу естественнонаучных биологических дисциплин, особенности исторического развития социальной биологии дают иную картину распределения “влияний” на структуру ее научного знания со стороны социологии, биологии и психологии.

Социология, появившаяся в первой половине прошлого века в качестве новой науки, проросла, как это и свойственно молодой поросли, сразу из нескольких точек и в разных направлениях. Стремление ее воспроизвести в собственном лице позитивный идеал естествознания неизбежно притягивало социологию к биологии, как к наиболее близкому отделу естествознания. И недаром поэтому биологизаторские течения в социологии столь пышно расцвели и перекрыли все отсталые тенденции.

Этому расцвету способствовал также такой важный момент как проникновение в естествознание — и опять в первую очередь через биологию — идеи социального прогресса в форме идеи прогрессивной эволюции. Складывающаяся на этом основании эволюционная биология, особенно в лице французского и английского эволюционизма, сама нуждалась в определенных внешних опорах для новой идеи. И опоры она, в свою очередь, искала в молодой социологии (точнее, через посредство последней в социальной философии).

Так что процесс соединения биологии и социологии, инициированный проникновением в естествознание из социальной философии и социально-политической практики идеи прогрессивной эволюции, носил характер взаимного притяжения. А из взаимной любви, как известно, порождается много чего примечательного.

И наиболее примечательной была, по моему мнению, мысль о естественном статусе человеческого общества. Мысль, достаточно тривиальная на Востоке, но революционная на Западе, поскольку это была тема, оппозиционная теме общества как конвенции. Соответственно, идея естественного (природно обусловленного) устройства общества нуждалась

в позитивном обосновании. А такое может дать только естествознание, а среди его отделов - прежде всего биология.

Так сформировался тот любопытнейший *circulum vitiosus*, который свойственен истории идеи прогрессивной эволюции. Этот круг - “корень зла” и источник рождения для социальной биологии. Сложившаяся к концу Старого порядка в Европе идея прогресса общественного развития (одним из важных источников которой были, вероятно, археографические разыскания), окольными путями, путями скорее психологическими, чем логическими, стала проникать в среду естествоиспытателей. Усвоенная здесь и в течение одного-полутора веков развитая до идеи эволюции Природы, она вернулась в социальную философию и социологию под видом естественнонаучной теории эволюции, объясняющей, в частности, и разнообразие человеческих обществ. А вель именно тогда это разнообразие стало наиболее очевидным для ученых-естественников, поскольку в круг их внимания попали многочисленные данные молодых наук - археологии и этнографии.

Идея прогресса человеческого общества вновь, как и во времена античной науки, оказалась связанной в сознании естествоиспытателя XIX века с идеей прогресса форм животной жизни. Сложились концептуальные условия для возникновения зоо-социологии, которая и не замедлила появиться. А появилась она именно в виде эволюционной социологии, т.е. социологии различных форм животной жизни, выстраиваемых в лестницу прогрессивно усложняющейся организации. Лестницу, конечно же, дублирующую “*scala naturae*” Кювье.

Эти научно-исторические условия формирования социальной биологии определили ее образ, который и составляет до сих пор основу этой науки. В прошлом веке и в первой трети нашего эта основа, логический каркас науки, была вполне очевидна исследователям, теперь же она оказалась затененной множеством разнородных теоретических схем, заимствованных из популяционной генетики и экологии, разработанных в этологии и психологии (скорее как прикрытия от наготы, нежели для цельности образа). Таким образом, основания социальной биологии оказались покрыты более поздними теоретическими напластованиями.

Но основания, даже если они неявны, определяют исходную проблематику науки. Соответственно, социальная биология имеет проблематику, определенную внешними для ее природы и путей развития факторами. Парадоксально специфичным для социальной биологии является то, что центральными проблемами в ней остаются проблемы, по-прежнему важнейшие и для современной социологии. Это, собственно говоря, проблемы социологические. Поставленные еще Контом и Спенсером в качестве центральных проблем социологии это: 1) проблема

социального прогресса в форме прогрессивной эволюции животной жизни от одиночного к социальному существованию и 2) проблема социальной организации в форме уровней организации животной жизни.

Социальная биология во всех своих традиционных и современных ипостасях — в качестве социологии животных, эволюционной социологии, сравнительной психологии, социальной экологии, этологии и социобиологии — сохранила верность этим, по-видимому, неразрешимым проблемам [3, 4, 5]. Каких бы теоретических позиций не придерживался исследователь, описывающий “социальную жизнь животных”, он исходит и возвращается к обсуждению именно этих двух проблем. Примечательно перекликаются между собой заключительные тезисы фундаментальных исследований, отстоящих друг от друга на век и провозгласивших каждое появление новой дисциплины — социологии животных у А. Эспинаса и социобиологии у Э. Вильсона [4, 6]. Несмотря на различные по существу теоретические установки — социологические у одного и биологические у другого — авторы считают необходимым завершить исследование построением филогенетического древа социальных форм в ряду от самых низших (зоологически — простейших, а социально — одиночных) до высших (исключительно человеческих). Но если у Эспинаса ряд этот логически обоснован всей структурой изложения, то у Вильсона это особняком стоящая схема (даже две, поскольку одна схема выстраивает эволюционный ряд социальности для всех животных и человека, а другая — только внутри человеческих обществ), которая не поддается обоснованию биологическими аргументами (преимущественно популяционно-генетическими, экологическими и эволюционно-биологическими).

Таким образом, если бы мы говорили о социально-биологической теории и методологии, мы должны были бы указать, что гипотетико-дедуктивными основаниями здесь являются основания социологии в собственном — классическом и современном — смысле (недаром поэтому некоторые философы и биологи предлагают название биосоциологии для социальной биологии как более корректное, нежели социобиология). Проблема эволюции социальной жизни (в форме социогенеза по аналогии с филогенезом) и проблема социальной организации (в форме уровней социальной организации по аналогии с уровнями биологической организации) — есть исходные теоретические постулаты социальной биологии на протяжении всего времени ее развития.

Установив теоретические основания, мы (я имею в виду позицию классического социобиолога) должны найти для них ведущий фактор, или в лучшем случае группу факторов, которые позволяли бы создать теоретическую конструкцию. И здесь социальная биология обращается уже к своему другому “киту”: психологии.

Если раньше, во времена становления и расцвета дарвинизма, таковым признавалась борьба за существование, то после периода кризиса начала формироваться иная, более гибкая теоретическая позиция, основаниями которой стали служить уже не просто эволюционные гипотезы, но положения, развитые к этому времени в генетике, популяционной биологии и психологии. Поэтому и содержательные теоретические построения социальной биологии строятся уже на базе популяционной генетики и популяционной экологии. Сам по себе популяционистский подход в биологии, определивший уровень и стиль полевых исследований начиная со середины века, наложил отпечаток не только на выбор ведущих факторов в теориях социальной биологии, но и на самый вид представления данных; более того, даже определение животного сообщества стало формулироваться в популяционно-биологическом ключе (как социодемографическая система). Но при этом, постоянно апеллируя к популяционной биологии как к своему эмпирическому основанию, социальная биология постоянно спотыкается на поведенческих науках. Психология в лице этологии и экспериментальной биологии — чем-то вроде темной лошади социобиологии. За десятилетия сложилась причудливая смесь популяционной биологии с “полевой” психологией, благодаря которой социобиология предложила специфический ведущий фактор, объясняющий процесс социальной организации и эволюции (обращу внимание читателя на то, что ведь и эволюционная биология свой ведущий фактор — борьбу за существование — заимствовала из политической экономии).

Сформировалось представление о популяционно-экологических и популяционно-генетических факторах социальной эволюции, а наряду с ними — о ведущем факторе специфически-поведенческом по природе. В первом случае это экологическое давление и филогенетическая инерция [6, 7, 8, 9], во втором же — альтруизм.

Альтруизм давно, еще до Дарвина, рассматривался как первый претендент на такую роль. Но эпоха эволюционизма заместила это место его противоположностью - индивидуальной борьбой за существование. Поэтому альтруизм вплоть до самого последнего времени оставался хотя и в поле зрения теоретиков, но на далекой периферии их внимания. Достижение У.Гамильтона заключается больше всего в том, что он сумел построить модель, в которой альтруизм оказался функцией, производной от борьбы за существование. Подобная хитрость (хотя в основе ее и присутствовала логическая и содержательная ошибка, как выяснилось достаточно скоро), позволила реанимировать интерес научного сообщества и философов к проблематике социальной биологии. Возможно, что это последнее имеет много большее значение для науки, чем хитроумная модель Гамильтона. Альтруизм воспринят в качестве ведущего фактора эволюции социальной жизни животных, хотя он и не выводим из борьбы

за существование. Но дело сделано и потому всегда могут быть придуманы все новые обоснования ad hoc, чтобы сохранить ценное приобретение.

К тому же, социальная биология по специфике своего предмета тяготеет к психологии более, чем к чему-либо другому. Предмет социальной биологии — это поведенческая система животного сообщества. Такая специфика предмета накладывала и продолжает накладывать совершенно определенный отпечаток на самый процесс получения научного знания и его структуру. В социальной биологии воспроизводятся методические приемы по преимуществу экспериментальной и сравнительной психологии. Этология — часть психологии, но она же на наших глазах необратимо трансформируется в социозтологию, тесно связанную с популяционной экологией. Специфическое содержание социальной биологии определяется ее психологическим компонентом. Поэтому в глазах многих естественников предмет социальной биологии и не был достаточно отчетлив, а появление социобиологии быстро было признано в качестве особой дисциплины, поскольку определило ракурс анализа и специфически-биологический предмет исследований, отграничивающий социобиологию от поведенческих наук (иное дело, что этот предмет относится к компетенции генетики). Составляя эмпирическую основу социальной биологии, поведенческие науки образуют как бы ее индуктивную базу. Но на протяжении всей своей истории социальная биология пытается разграничиться с поведенческими науками и определить относительно их свой собственный теоретико-методологический статус. Эта проблема занимала и занимает всех теоретиков. В свое время еще Эспинас проводил разграничение с социологией и со сравнительной психологией, формулируя основные положения социологии животных [4]. Те же действия предприняли позже Винн-Эдвардс и Крук, стремясь специфицировать социальную экологию, предшественницу социобиологии [7,9]. С большим успехом это осуществил Вильсон, отчетливо осознавая необходимость такой деятельности для установления статуса социобиологии как особой новой дисциплины [6].

Для построения законченной теории необходимо привести в соответствие ведущему фактору движущие механизмы. Только найдя механизмы, обеспечивающие реализацию ведущего фактора, мы можем создать непротиворечивую модель, которую с известной долей уверенности можем принять за “общую теорию” социальной биологии. В рамках тех вариантов подходов, которые развиваются социобиологией и социозтологией, в роли этого механизма выступает отбор родственников (kin-selection по терминологии У.Гамильтона [10]) и групповой (демовый или междемовый отбор социально связанных групп животных внутри сообщества или сообществ внутри популяции [6]).

Здесь мы тоже встречаемся с полной аналогией эволюционной теории Дарвина. Место индивидуального отбора как механизма эволюции заступает родственный и групповой отборы. Хитрости в такой процедуре двойной замены, конечно, немного, но какие выгодные последствия она приносит социальной биологии. Этот прием позволяет ей перейти с зыбкой почвы психологии и социологии на прочный грунт формально-логических построений популяционной генетики.

Методология генетики в силу своей почти аксиоматической строгости [11] очень привлекательна для большинства биологов-теоретиков. Социобиологи не остались в этом случае в стороне. Сама логическая схема, по которой У. Гамильтон из простого индивидуального отбора вывел отбор родичей и обусловленный им альтруизм родственников, а затем его последователи - групповой отбор и реципрокный альтруизм и непотизм (Э. Вильсон, Р. Трайверс) весьма привлекательна с точки зрения уменьшения “числа сущностей”, что составляет заботу практически каждого естествоиспытателя-теоретика.

Соответственно, установленные в качестве механизма социальной эволюции и процессов самоорганизации животных обществ родственный и групповой отборы, “полноправные заместители” естественного (индивидуального) отбора, решают, по мнению социальных биологов, проблему теоретической стройности и непротиворечивости логических конструкций, в которых социальная жизнь во всей ее структурной сложности и многоцветности может быть разложена на очень простые, в пределе — на уровне химических соединений, — линейно упорядоченные компоненты, позволяющие осуществлять логико-математические, линейные же, преобразования (см.: [10, 12]).

Методология популяционной генетики и экологии задает поэтому соответствующие эмпирические экспериментальные программы, приобретающие характер математических моделей. Тем самым биологическая ориентация в социобиологии способствует редукции ее основной проблематики: сведению феноменов социальной жизни к популяционно-демографическим процессам или взаимодействию генных комплексов. Социальная биология, опираясь на плечи этих “математизированных” дисциплин, стремится превратить свое знание в точное и формализуемое, т.е. свести его к идеалам физичности. Сколь сильна сила привычки, если она спустя даже столетие по-прежнему вдохновляет ученых!

Таким образом, в теоретическом отношении современная социальная биология пестра и многолика: основу ее проблематики составляет социально-философская (и социологическая) проблематика, объяснительные модели - популяционно-биологические и

психологические, а описательные модели и эмпирическая база - экологическая, популяционно-негетическая и поведенческая.

Хотя социальная биология отгородилась от социологии барьерами естественнонаучной методологии и теории познания, нередко при этом совсем не замечает своей прародительницы, проблемное поле, общее для той и другой, не только сближает их предметы (а в некотором пределе делает неразличимыми), но и заставляет социальную биологию делать все больший акцент на объяснения, основанные не на естественнонаучных моделях, а на моделях, по природе социологических и даже гуманитарных [13, 14]. Придерживаясь разных теоретических схем и разных по природе методологий естествознания и социогуманитарных наук, нельзя достичь теоретического единства.

“Гибридность” происхождения социальной биологии заставляет ее соединять несоединимое, поэтому теоретико-методологические основания социальной биологии — настолько переплетенный узел, что развязать его невозможно, а можно только рубить. Важно то, что соединение разнородных частей с течением времени стало привычным для исследователей, они “сжились” с таким положением дел и, как показывает практика научной деятельности, не намерены искать альтернативы имеющемуся варианту.

Есть, однако, простой выход в виде радикальной перестройки всей теоретико-методологической базы социальной биологии. Как я уже указывал ранее [1], в лице основателя социологии мы имеем пример именно такого радикального шага, результатом которого было прерывание неуверенного и противоречивого взаимодействия трех наук — истории, биологии и политической экономии, — направленного на создание “интегральной” науки о человеческом обществе, и появление сразу и в определенном виде (в предмете и методе) новой позитивной науки. Следовательно, можно предположить, что социальная биология в своем современном виде нуждается в новом Конте. Но это путь, требующий новой парадигмы и новых философских оснований.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант 95-06-17628).

Литература

1. Плюснин Ю.М. Бреющий полет трехглавого дракона. Проблемы построения теории социальной биологии \ \ Биофилософия. М., 1996. - Т. 2.
2. Плюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции. - Новосибирск: Наука, 1990.
3. Спенсер Г. Основания социологии. Т. 2. Часть II. Индукции социологии. - Спб, 1876. - С. 497 - 654.
4. Эспинас А. Социальная жизнь животных. Опыт сравнительной психологии с прибавлением краткой истории социологии. - Спб, Тип. д-ра М.А.Хана, 1882
5. Ruse M. Sociobiology: sense or nonsense? - Dortrecht, Boston, L., 1979.
6. Wilson E.O. Sociobiology. The new synthesis. - Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1976.
7. Wynne-Edwards V.C. Animal dispersion in relation to social behaviour. - Edinbrough, 1962.
8. Lumsden Ch.J., Wilson E.O. Genes, mind, and culture: the coevolutionary process. — Cambridge, Massachusets, L.: Harvard Univ Press, 1981.
9. Crook J.H. Social organization and the environment: aspects of contemporary social ethology \ \ Anim. Behav., 1970. - Vol. 18. - P. 197-209.
10. Hamilton W.D. The genetical theory of social biology \ \ J.theor. biol., 1964. - Vol. 7, N 1. - P. 1 - 16, 17 -52.
11. Рьюз М. Философия биологии. - М.: Прогресс, 1977.
12. Dawkins R. The selfish gene. — Oxford: Oxford Univ. Press, 1976.
13. Пути интеграции биологического и социогуманитарного знания. - М.: Наука, 1984.
14. О специфике биологического познания. - М.: Наука, 1987.